

© 2018 г.

Н.А. РОМАНОВИЧ, О.А. КОРОБКОВА

СВОБОДА СЛОВА И ПОВСЕДНЕВНАЯ ПРАКТИКА ЖУРНАЛИСТОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

РОМАНОВИЧ Нелли Александровна – доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и политического управления (nelly@qualitas.ru); КОРОБКОВА Оксана Александровна – аспирант (oksana.korobkova@gmail.com). Обе – Воронежский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронеж, Россия.

Аннотация. Создатели и распространители продукции масс-медиа формируют и транслируют образы современного мира, задают направления публичных дискуссий, конструируют смыслы и критерии оценки происходящего, ведут культурные войны. Представляется интересным взглянуть на профессиональную кухню журналистов и исследовать оценки самих работников СМИ положения со свободой слова в РФ. С этой целью Институт общественного мнения «Квалитас» повторил в 2015 г. исследования 2004 и 1994 гг., опросив в Воронеже представителей масс-медиа – от главных редакторов до рядовых журналистов. Результаты исследования показали, что среди журналистов нет однозначной оценки относительно существующей свободы слова: одним ее достаточно, другим – нет. Хотя местная власть в представлениях журналистов доминирует как источник ущемления свободы слова, ее интересы не являются определяющими в формировании информационной повестки дня. Самоцензура немаловажна в ходе подготовки материалов к публикации. Решения о публикации материалов принимаются с учетом калейдоскопа интересов, причем на первый план зачастую выходят коммерческие интересы и человеческие слабости.

Ключевые слова: свобода слова • социологический опрос • журналисты • средства массовой информации • цензура

DOI: 10.31857/S013216250002790-2

В трудах историков, посвященных Франции начала XIX в., часто приводятся высказывания Наполеона I об огромном значении печатного слова и периодической печати. Е.В. Тарле пишет о его диктаторском отношении к прессе: «Газеты обязаны не только молчать, о чем прикажут молчать, но и говорить, о чем прикажут, и главное, как прикажут говорить» [Тарле, 2010]. Незадолго до 18 брюмера на посту первого консула Наполеон указом в несколько раз сократил количество издававшихся в Париже газет. Это было сделано им не по мотивам открытой оппозиционности закрытых газет, но по той причине, что будущий император полагал: меньшее количество периодических изданий проще контролировать. Главным редакторам было разрешено публиковать на свое усмотрение беллетристику и развлекательные материалы, но все, что было связано с политической тематикой, попадало под жесткий контроль и цензуру. В итоге журналисты и издатели сами стали отдавать предпочтение далеким от политики темам, чтобы не наживать себе неприятностей. Так, внутренняя самоцензура (которая порой оказывается жестче внешней) сильно изменила

облик парижских газет и журналов, что оказало заметное влияние на унастроения французского общества периода Империи.

В чем заключается сила СМИ как «четвертой власти»? На что направлен главный вектор их влияния? В западной теории массовых коммуникаций распространено представление о масс-медиа как мировоззренческом конструкте современного общества. В частности, Дж. Томпсон выступил сторонником идеи, что СМИ являются носителями, хотя и не всегда осознанно, «доминирующей идеологии» в конкретном обществе. Они производят и хранят ее. В результате господствующая идеология воздействует на массовое сознание через высказываемые журналистами оценки событий и их интерпретацию. Именно выражаемые ими «значения и смыслы задают и поддерживают отношения доминирования в обществе» [Thompson, 1990: 56].

Но далеко не все западные социологи разделяют идею Томпсона о «доминирующей идеологии», носителем и транслятором которой выступают СМИ. С. Холл полагает, что медиа сегодня – это пространство для конкуренции самых противоречивых подходов и идей [Hall, 1982: 56–89]. Дж. Хантер охарактеризовал эту ситуацию термином «культурные войны» («Culture Wars» – в смысле перманентного противостояния между сторонниками противоположных социальных воззрений из-за существования давних и глубоких, часто неразрешимых противоречий между группами людей) [Hunter, 1992: 199]. Оружие культурной войны – это не только слово, но и молчание. Например, Д. Крото замечает: «Если медиа-послания способны нормировать поведение, то они также способны устанавливать лимиты и диапазоны приемлемости для идей... Идеи и отношения, содержащиеся в медиатекстах, становятся частью легитимных публичных дебатов. Те же идеи, которые не включаются в содержание и контекст медиатекстов, либо включаются в них для того, чтобы быть объектом насмешек, имеют очень слабую легитимность. Они как бы вне рамок социальной приемлемости» [Croteau, 2000: 161]. Влияние медиа проявляется не только в содержании сообщений, но и в умалчивании, замалчивании, исключении определенной части информации из сферы публичного обсуждения. К близким выводам вскоре пришли и российские исследователи. Например, А.Р. Тузиков утверждал, что СМИ «в состоянии в значительной степени программировать массовое сознание, ежедневно предлагая не только повестку дня (о чем думать и на что обратить внимание), но и задавая схемы интерпретации обсуждаемых событий» [Тузиков, 2002: 271].

В связи с вышесказанным вполне обоснован интерес социологов к мнениям журналистов. Являясь лидерами в информационно-идеологическом влиянии на общество они, высказывая субъективные мнения, зачастую задают направление общей дискуссии, формируют критерии оценки событий, как бы дают народу «свои глаза», позволяющие видеть и понимать происходящее. Социологическое исследование, проведенное непосредственно среди самих акторов такого влияния, дает нам возможность заглянуть в журналистскую «кухню», вывести качество и состав ингредиентов той продукции, которой они намерены потчевать массы.

Социологи Института общественного мнения «Квалитас» обращались к этой теме и проводили социологические опросы среди воронежских журналистов в 1994 и 2004 гг. Материалы этих исследований опубликованы на страницах СОЦИС [Романович, 2006: 77–84]. Весной 2015 г. было решено вернуться к этой теме и провести повторное исследование по той же методике (методом личного интервью) среди той же генеральной совокупности и с теми же вопросами, на которые журналисты отвечали 10 и 20 лет назад. Всего в 2015 г. было опрошено 180 воронежских журналистов: представители интернет-СМИ, телевидения, радио, прессы (44 различных СМИ г. Воронежа). Исследование проводилось в рамках инициативного социального проекта, т.е. финансировалось самими социологами. В нем принимали участие главные редакторы СМИ и их заместители, корреспонденты и фотокорреспонденты, заведующие отделами, ведущие программ, обозреватели и иные работники СМИ.

Свобода слова в оценках журналистов. Ключевое понятие для работников пера и микрофона – это свобода слова. Классическое определение этого понятия, подкупающее

простотой и ясностью, принадлежит Дж. Ст. Миллю: «Свобода слова – это право выражать свое мнение и идеи, не опасаясь карательных мер со стороны государства, цензуры или общественного порицания» [Mill, 1869: 5]. Цена свободы слова бывает необычайно высока. Зачастую журналист стоит перед недвусмысленным выбором: «свобода слова» или материальное благополучие, «свобода слова» или дружба с сильными мира сего, «свобода слова» или жизнь. Так как оценивают воронежские журналисты положение со свободой слова сегодня?

Ответы работников СМИ на обращение: «Оцените, пожалуйста, сегодняшнее положение со свободой слова в России» оказались неоднозначными. Чуть более половины опрошенных (52%) в той или иной степени склоняются к мнению, что в современной России свобода слова отсутствует; 41% респондентов полагают, что свобода слова в России существует, и только единицы считают, что она реализуется в полном объеме (рис. 1).

Удивляет существенное расхождение мнений журналистов по этому вопросу. А ведь наличие свободы слова практически предопределяет их профессиональную деятельность. Кому, как не им, быть экспертами в этом вопросе?! Они должны наверняка знать нюансы, связанные с этой проблемой. А ответы делят журналистское сообщество почти пополам. В чем же дело? Оказалось, ответы на данный вопрос зависят от ряда характеристик респондентов. Во-первых, от должности. Главные редакторы чаще выражают уверенность в том, что свобода слова есть, чем в том, что ее нет (49/36), тогда как соотношение ответов простых корреспондентов демонстрирует обратную картину (38/58). Во-вторых, ответы зависят от специализации журналистов. Среди журналистов, ответственных за подачу новостей, наличие свободы слова отрицают 45% от опрошенных, а среди тех, кто освещают экономические события, количество пессимистических ответов возрастает до 61%. В-третьих, ответы зависят от вида СМИ. Среди работников интернет-СМИ почти половина (48%) уверены в присутствии в стране свободы слова (8% считают, что она реализуется в полном объеме); среди представителей печатных СМИ так считает только каждый третий (33%). В-четвертых, пропорции зависят от стажа работников. Представители молодого поколения с журналистским стажем менее пяти лет чаще верят в наличие свободы слова (44%), чем журналисты, отработавшие свыше 10 лет (38%).

В 2015 г. ситуация выглядит несколько оптимистичнее, чем десять лет назад, хотя соотношение между оптимистичными и пессимистичными оценками работников СМИ изменилось не столь существенно. Соотношение между признающими и отрицающими существование свободы слова в России в 2004 г. – 35/57; в 2015 г. – 41/52.

Что касается остального населения, то, по результатам опросов Института общественного мнения «Квалитас», большинство воронежцев убеждены в наличии свободы слова в России и, в частности, свободы печати (54%). Более того, 22% опрошенных жителей считают, что в нынешней России свобода печати чрезмерна и переходит во вседозволенность. Женщины выражают такое мнение чаще мужчин (28/15), пожилые люди – чаще, чем молодое поколение (31/19). Не усматривают присутствия свободы слова в печатных СМИ 18% граждан [Ежемесячный бюллетень..., 2014: 18].

Цензура, как ни странно, востребована не только среди значительной части граждан, но и среди журналистов. Напомним, что полтора десятилетия назад, согласно результатам, полученным исследовательским холдингом РАМИР-Мониторинг, более 70% населения России и более 40% российских журналистов полагали, что цензура в стране нужна¹. А пару лет назад опрос ВЦИОМ обнаружил: российские граждане готовы замахнуться на символ свободы слова – Интернет. Оказалось, что лишь 11% россиян считают, что Интернет должен быть совершенно свободным от правительственной цензуры. Почти половина жителей страны (49%), напротив, полагает, что здесь цензура вполне уместна. За

¹ Говорим всем. Ромир-мониторинг. URL: <http://govorim-vsem.ru/viewtopic.php?t=30135> (дата обращения: 13.05.2018).

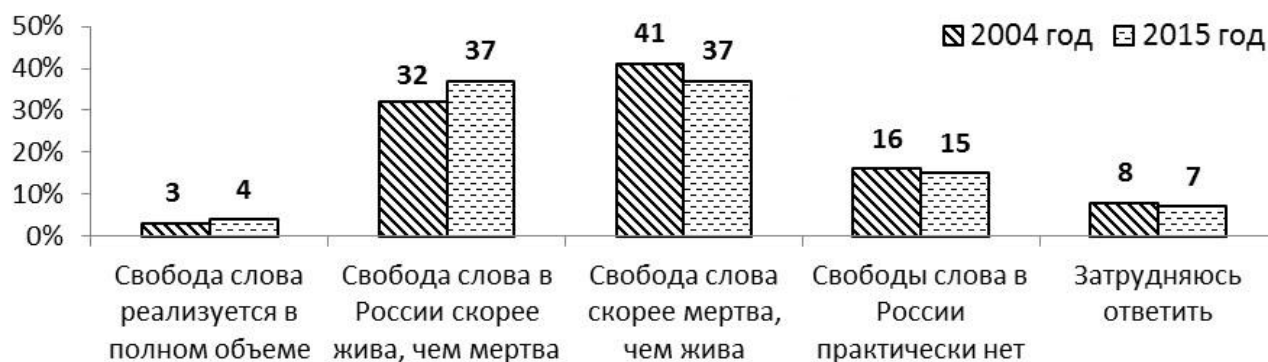

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, сегодняшнее положение со свободой слова в России» (в % от числа ответивших)

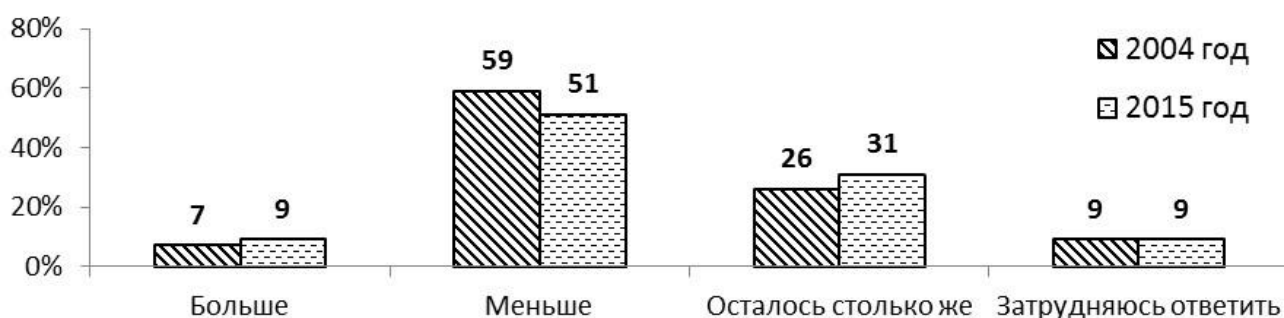

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, за последние 5 лет свободы слова в России стало больше, меньше или осталось столько же?» (в % от числа ответивших)

введение цензуры в Интернете выступают 57% граждан, которые не пользуются Интернетом, и 43% постоянных пользователей².

Режиссер С. Говорухин в период, когда он являлся председателем комитета Госдумы по культуре, называл себя сторонником цензуры. По его мнению, нравственные ограничения как раз и являются сутью свободы в обществе. В эфире телеканала «Россия-24» он сетовал на то, что в России таких ограничений не существует и что в других странах иначе: «У нас единственная в мире Конституция, где написано, что всякая цензура запрещена»³. По мнению Говорухина, государство не вмешивается в творческий процесс, и это очень плохо. Если таковы ожидания общества, то стоит ли удивляться тому, что процесс «закручивания гаек» в России набирает обороты?!

Смогли ли воронежские журналисты почувствовать тенденции к ограничению свободы слова в повседневной профессиональной деятельности? Вопрос, обращенный к ним, звучал следующим образом: «Как вы считаете, за последние 5 лет свободы слова в России стало больше, меньше или столько же?» Большинству представителей СМИ в Воронеже (51%) довелось ощутить, что в последнее время свободы слова в России становится все меньше. Цифра внушительная, но 10 лет назад она была еще выше (59%). Число тех, кто ощущает некоторое улучшение ситуации, за десять лет практически не изменилось (7-9%), но с 25% до 31% увеличилось число опрошенных, считающих, что ситуация стабилизировалась (рис. 2). Возможно, журналисты просто приспособились к реалиям сегодняшнего дня.

Комфортнее других чувствуют себя представители интернет-изданий. 15% из них считают, что свободы слова стало больше. С ними не согласны работники печатных СМИ.

² Опрос: половина россиян выступает за введение цензуры в интернете. ТАСС. Информационное агентство России. URL: <http://tass.ru/obschestvo/2160136> (дата обращения: 10.05.2018).

³ URL: <https://ria.ru/culture/20161117/1481558818.html> (дата обращения: 18.11.2018).

59% из них отмечают ухудшение обстановки, тогда как среди работников интернет-изданий – 36%. Это можно назвать общероссийской тенденцией. Медиа-эксперты прогнозировали подобную ситуацию. Более того, они говорили, что рынок печатных СМИ потеряет около трети изданий. Воронеж стал наглядным примером того, что эти предположения имели веские основания. Самыми свободными ощущают себя те, кто специализируется на освещении криминальной сферы – каждый четвертый опрошенный здесь утверждает, что свободы слова в России стало больше (25%).

Между тем, «бывалые» журналисты пессимистичнее молодых. Если среди молодежи 41% опрошенных заметили сужение границ дозволенного, то среди респондентов, которые посвятили профессии более 10 лет, 58% уверены, что свободы слова в России стало меньше. И это вполне объяснимо – им есть с чем сравнивать.

На каком основании журналисты делают выводы об увеличении или уменьшении свободы слова? Чаще всего они отталкиваются от собственного опыта. Следующий вопрос, заданный работникам СМИ звучал так: «Скажите, пожалуйста, лично вы сталкивались, и если да, то как часто, с фактами ущемления свободы слова, права свободного распространения информации, цензуры?» В ответах респондентов от 2015 г. позиции: «сталкиваюсь достаточно часто» (23%) и «практически не сталкиваюсь» (31%) достаточно близки (а в ответах 2004 г. полностью уравновешены: 26/26), что способно поставить аналитика в тупик (рис. 3). Но с учетом специализации работников СМИ картина начинает проясняться. Среди тех, кто делает политические обзоры, постоянно сталкиваются с запретами 30% работников (не сталкивались с ограничениями 17% опрошенных). Зато определенная вольница наблюдается у журналистов, пишущих о культуре и добывающих новости: среди них число тех, кто не практически не сталкивался с ограничениями, составило 36%, что почти вдвое перевешивает количество, имеющих с этим дело часто (17%). В то же время почти каждый второй опрошенный хотя бы изредка имел дело с проявлениями цензуры в отношении его собственного материала как в 2015 г. (47%), так и в 2004 г. (48%).

Видимо, чем больше журналистский стаж, тем выше вероятность столкнуться с ущемлениями свободы слова. Наиболее часто на невозможность говорить или печатать то, что хочется, жаловались люди, которые посвятили профессии больше 10 лет. Более чем три четверти (78%) из них говорили, что с ущемлением свободы слова и с цензурой им приходилось сталкиваться, если и не постоянно, то время от времени.

Ограничение свободы слова: источники и мотивы. С целью определения основного источника угроз свободе слова журналистам был адресован вопрос: «В вашем случае, от кого, как правило, исходит инициатива ущемления свободы слова?» Иерархия и интенсивность источников ущемления свободы слова в ответах респондентов от 2015 г. имела следующий вид: от местных властных структур – 60% (2004 г. – 54%), от учредителей – 28% (2004 г. – 28%), от редакционного руководства – 23% (2004 г. – 28%), от «героев»

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Скажите, пожалуйста, лично вы сталкивались, и если “да”, то как часто, с фактами ущемления свободы слова, права свободного распространения информации, цензуры?» (в % от числа ответивших)

публикаций – 16% (2004 г. – 22%), от федеральных властных структур – 9% (2004 г. – 20%), от редакционного коллектива – 1%, (2004 г. – 1%). Как видим, за десятилетие федеральные структуры значительно ослабили влияние на воронежских журналистов, а местная власть его усилила. Редакционное руководство и сами «герои» публикаций стали менее придирчивы за эти годы. Самой лояльной структурой был и остается редакционный коллектив – здесь журналист скорее встретит понимание, чем противодействие (1%). На ущемление свободы слова со стороны местных властей чаще всего жаловались корреспонденты, освещающие социальную тематику, и особенно актуальна эта проблема для печатных СМИ.

Учредители СМИ чаще имеют дело с главными редакторами. Заместители главных редакторов зачастую конфликтуют с «главными» именно по поводу свободы слова. Главный редактор находится как бы между двух огней: учредителя и своего ближайшего заместителя. Учредитель пытается его урезонить, а заместитель критикует за уступки. Активнее всего учредители вмешиваются в деятельность интернет-СМИ, редакционное руководство чаще «заворачивает» материалы печатных СМИ.

«Герои» публикаций – четвертый по интенсивности источник угрозы свободе слова (всего 16% журналистов предъявляют им такие претензии, но можно догадываться, что претензии в данном случае обоюдные). На «героев» публикаций как на главных душителей свободы слова указывает каждый пятый журналист, отвечающий за экономические сюжеты. Федеральные властные структуры вмешиваются в региональный информационный процесс в семь раз реже, чем местные власти. Но каждый пятый заместитель главного редактора СМИ испытывает на себе их «тяжелую длань».

Выходит, не только властные структуры, но и многие факторы влияют на свободу слова. Здесь, по Парсонсу, вполне может возникнуть расхождение между ожиданиями журналистов и действиями властей. Иными словами, не исключено, журналисты более опасаются собственных страхов по поводу реакции власти, а не того, чтобы власть действительно карала за неугодные материалы. Главный цензор может сидеть в голове, а вовсе не за письменным столом с телефонной трубкой у уха. Поэтому обратимся к исследованию случаев самоцензуры, когда работник СМИ сам себя ограничивает по каким-то мотивам в свободе слова.

Безусловно, всем людям свойственны и страхи, и слабости, и чувство самосохранения... Вопрос только в том, чего более страшатся «акулы пера»: угрозы свободе слова или угрозы собственному благополучию? Вопрос: «Скажите, пожалуйста, как вы поступите в реалиях сегодняшнего дня, если неким сенсационным материалом можете нарушить вашу собственную стабильность (материальную, моральную, физическую)?» – вызвал замешательство у 58% воронежских журналистов, которые так и не смогли дать на него ответ. А между тем подобная проблема – не исключение, а профессиональная повседневность работников СМИ.

Почти каждый пятый опрошенный признался, что откажется от публикации, если есть риск за нее пострадать (19%). Бесстрашным оказался в Воронеже почти каждый четвертый журналист: 23% тружеников СМИ заверили, что в любом случае опубликуют материал, даже если это таит в себе угрозу для материального благополучия или даже для жизни. Число смелых журналистов выросло за последние годы, а страх отступил (табл. 1). Если в 1994 г. отказались бы от публикации 42% работников СМИ, то в 2004 г. – 25%, а в 2015 г. – 19%.

Зато существенно возросло количество тех, кто не может определиться с позицией или скрыл ее от интервьюеров. Похоже, ухабистая дорога демократии по мере продвижения по ней способствует не решению профессиональных проблем СМИ, а их приумножению.

Самыми смелыми оказались руководители второго ранга (заведующие отделами) – каждый третий из них опубликовал бы материал, несмотря ни на что. А самыми осторожными – фотокорреспонденты, 43% из них отказались бы от публикации. При этом представители печатных СМИ в два раза чаще готовы отказаться от публикации, чем «телевизионщики» или работники виртуальных СМИ. Стаж работы тоже влияет на решимость рискнуть. В отличие от молодых горячих голов опытные сотрудники со стажем выше

Таблица 1

Как вы поступите в реалиях сегодняшнего дня, если неким сенсационным материалом можете нарушить вашу собственную стабильность (материальную, моральную, физическую)?
(в % от числа опрошенных)

Варианты	Доля от числа ответивших по годам		
	1994	2004	2015
Откажусь от публикации	42	25	19
Опубликую, несмотря ни на что	33	19	23
Затрудняюсь ответить	25	56	58

10 лет в два-три раза чаще прочих выбросили бы опасный сенсационный материал в корзину, чтобы не подвергаться риску.

Ряд вопросов анкеты предваряло описание ситуации, предполагающей, что работники СМИ заведомо знают, что выпускаемый ими материал не содержит риска для авторов, а ущерб от публикации понес бы кто-то другой. Выяснялись действия в этом случае представителя массмедиа. К одному из таких гипотетических вариантов относятся результаты, представленные в табл. 2.

Ответы журналистов отчасти свидетельствуют о зачатках политической беспристрастности – 38% опрошенных опубликуют сенсационный материал, невзирая на риск повредить репутации симпатичных им политиков или любимой партии. Отчасти ответы подтверждают поговорку: «Своя рубашка ближе к телу»: если риск грозит авторам публикации, решатся на нее 23%. Иными словами, рисковать чужим благополучием журналисты готовы в полтора раза чаще, чем собственным. Особенно цепко ухватятся за сенсационный материал, порочащий известного политика, главные редакторы – 48% из них опубликуют его, несмотря ни на что. Электронные и интернет-СМИ чаще печатных готовы обнародовать подобные материалы.

Не станут публиковать сенсационный материал, подмачивающий репутацию политического лидера, 17% опрошенных. Причем это число уменьшается: в 1994 г. – 29%, в 2004 г. – 21%. Политические деятели встречают все меньше сочувствия и снисхождения среди работников СМИ, острые перья которых порой ранят сильнее шпаги. Могут проявить в отношении политиков некоторую деликатность фотокорреспонденты, 43% из которых откажутся публиковать неудачный или компрометирующий снимок. Пришлось столкнуться с тем, что их материал не пропускали в печать или эфир, по результатам последнего опроса, 23% воронежских журналистов (табл. 3).

Сравнительная «вольница» сопряжена с 90-ми годами, когда почти каждому репортажу и статье давался «зеленый свет». Спустя десятилетие (2004 г.) на журналистский роток надевали платок» – почти треть работников СМИ вспоминали случае, когда «зарубили» их

Таблица 2

Как вы поступите в том случае, если сенсационный материал, имеющийся в вашем распоряжении, может повредить политическому деятелю или партии, которым вы симпатизируете?
(в % от числа опрошенных)

Варианты	Доля от числа ответивших по годам		
	1994	2004	2015
Откажусь от публикации	29	21	17
Опубликую, несмотря ни на что	45	33	38
Затрудняюсь ответить	26	46	45

Таблица 3

В последнее время лично вы сталкивались или не сталкивались с ситуацией, когда по политическим или конъюнктурным соображениям ваш материал не пропускали в печать/эфир?
(в % от числа опрошенных)

Варианты	Доля от числа ответивших по годам		
	1994	2004	2015
Сталкивался	9	29	23
Не сталкивался	91	71	77

материал (29%). К 2015 г. то ли журналисты привыкли к надзору, то ли он стал слабее, но случаи, когда их материал «заворачивали», журналисты вспоминали реже (23%).

Чаще приходится молчать поневоле специалистам по экономическим, политическим и криминальным обзорам. В последнее время в поток жалоб на ужесточение контроля включились спортивные обозреватели. Но самая крепкая «узда» накинута даже не на главных редакторов, а на их замов. Почти каждый второй из них (44%) признался, что помнит случаи, когда их заставляли умолкнуть либо их шефы, либо влиятельные внешние структуры и персоны. Однако, работники Интернет-СМИ стали испытывать на себе жесткую длань надзора в два раза чаще, чем журналисты, работающие на телевидении, и даже чуть чаще тружеников «пера и бумаги».

Свобода слова в Интернете: достоинства и пороки. По словам Дж. Гланвилла, редактора «Индекса цензуры», «развитие Интернета стало переломным моментом для цензуры и для свободы слова»⁴. Распространение Интернета вынуждало изменять и отменять принятые ранее законы, ограничивать свободу слова и вводить элементы цензуры. Страны, где Интернет появился раньше, прежде других столкнулись с подобными проблемами. Первой серьезной попыткой ограничения свободы слова явился принятый в 1996 г. Конгрессом США «Акт о благопристойности при телекоммуникациях» (CDA), призванный регламентировать распространение неподобающих материалов в сети Интернет. В 1997 г. Верховным судом было принято решение в деле «Рено против Американского союза защиты гражданских свобод (ACLU)», которое стало прецедентом в судебной практике в отношении сетевой деятельности и частично отменило закон [Godwin, 2003: 349–352]. Судья С.Р. Далзелл, один из трех федеральных судей, которые в июне 1996 г. признали некоторые части CDA неконституционными, сформировал свою позицию: «Интернет – среда, в которой эффект высказываний намного сильнее, чем при публикации в печатных средствах, разговорах на улице или обмене письмами. [...] Высказывания в Интернете могут быть нефiltroванными, грубыми и чуждыми условностям, с эмоциональным посылом, носить явно сексуальный характер и быть вульгарными – то есть, «непристойными» во многих сообществах. [...] Как нам стало понятно на слушании, существует также острая необходимость просвещения общественности о пользе и опасностях этого нового средства массовой информации, и правительство может взять на себя и эту роль. В моем понимании, наше решение сегодня должно значить только, что допустимый государственный надзор за контентом сети Интернет не распространяется дальше общепринятой границы высказываний, не защищаемых принципом свободы слова» [Hunter, 1992: 463–465]. В ней можно выделить несколько тезисов. Во-первых, Интернет – это сила, с которой нельзя не считаться. Во-вторых, эта сила способна принимать грубые и непристойные формы. В-третьих, есть острая необходимость просвещения общественности о пользе и опасности этого нового СМИ, и ответственность за это просвещение возлагается на правительство. В-четвертых, государственный надзор за контентом сети Интернет

⁴ Glanville J. The Big Business of Net Censorship. London: The Guardian, 2014. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2008/nov/17/censorship-internet> (дата обращения: 20.04.2018).

допустим, но ограничен определенными рамками. Сложнее всего нащупать границы этих рамок. Собственно, Интернет сам по себе безотносителен к добру или к злу, но приобретает силу и значение, являясь инструментом реализации свободы слова.

Британский историк Т.Г. Эш сегодня говорит как о достоинствах, так и «пороках» свободы слова. К «порокам» свободы он относит не только злоупотребления и распространение ненависти в социальных сетях, но и манипулятивную журналистику, грубые и оскорбительные телевизионные дебаты. В погоне за реализацией права свободы слова люди теряют навыки хорошей речи. Рецепт заключается в том, чтобы поощрять развитие общих норм и практик вежливого ведения дискуссии, уважения к оппоненту и проч. По мнению британских журналистов, Т.Г. Эш поднимает «проблему возможности цивилизованной жизни в условиях немыслимого, но взаимосвязанного многообразия» [Garton-Ash, 2016: 4]. Как видно, сегодня, как и двадцать лет назад, актуален призыв к просвещению, к привитию общих норм вежливого поведения, к уважению собеседников, к использованию красивой и правильной речи. Интернет – всего лишь зеркало общества, в котором оно отражается. А на зеркало, как говорится, нечего пенять.

Еще более неоднозначна ситуация с реализацией свободы слова перед лицом коммерческих интересов. По мнению нидерландского профессора Б. Хугенхольца и Л. Гибо, общественно доступные данные находятся под угрозой «превращения информации в товар», так как информация, не имевшая ранее никакой или небольшую экономическую ценность, приобрела ее в информационный век [Guibault, 2006: 1].

Заключение. Результаты опроса показывают, что акторы «четвертой власти» сами подвластны условностям, неформальным нормам, интересам редакции, коммерческим интересам, соображениям собственных безопасности, комфорта и проч. Совокупность интересов самого различного толка правит сферой, которую мы называем «четвертой властью». Со стороны действующей власти, конечно, могут быть случаи ущемления свободы слова, но далеко не они формируют повестку дня. «Цензор в голове» сидит у журналистов, немногие решаются плыть против течения. Журналистское сообщество становится не только все более политизированным, но и коммерциализированным. Коммерческие интересы могут быть поставлены во главу угла конкретного СМИ, диктуя стратегию и тактику поведения. Зачастую можно слышать: СМИ ведут информационную войну, а исследователи масс медиа утверждают, что объектом разрушения и преобразования в такой войне являются ценностные установки противника. Если это так, то работники СМИ в этой войне – солдаты, а генерал где-то за кадром. В свое время С. Холл демифологизировал тезис об «идеальных», свободных от отношений власти и подчинения средствах массовой коммуникации. Он отмечал, что медиа всегда интерпретируют события определенным образом и придают данным интерпретациям статус общепризнанной «правды» [Hall, 1982: 56-89]. Кроме того, за «правду» выдается точка зрения конкретного журналиста, иногда даже якобы подтвержденная результатами социологических исследований. На это обращает внимание проф. О.Н. Яницкий: «Чем дальше, тем больше медиа рассматривают данные социологии и других гуманитарных наук как инструмент для подтверждения собственных сиюминутных позиций» [Яницкий, 2017: 85]. Потребителю информации приходится порой туго – ему нужно определяться, чья информация больше похожа на правду. Принимая за правду ту или иную информацию, он достраивает, реконструирует свою картину мира. В результате соседи или даже члены одной семьи могут жить в совершенно разных мирах. Деструктивные и конструктивные последствия свободы слова имеют место. Свобода слова – обоюдоострое оружие, оно способно ранить как героя, так и автора информационного материала, способна и к разрушению, и к созиданию. Но эта ценность стоит своей платы. Сократ в преддверии собственной казни сказал афинским судьям, что если бы они отпустили его при том условии, что ему запрещается выражать свои мысли, он отказался бы от такой милости. Если не вдаваться в ригоризм, то это первая сознательная смерть за свободу слова, известная нам из истории. Но, к сожалению, не последняя. Журналисты – солдаты на передовой позиции в борьбе за свободу слова, поэтому так часто среди них бывают жертвы. Жертв больше, если генерал

негодный, или если противник дезинформировал его штаб. Но не стоит оставлять занятые позиции. Ведь, в свободном государстве, как говорил Эразм Роттердамский, и речь должна быть свободной [Роттердамский, 2010: 36].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по городу Воронежу. № 2014-08 / Под ред. Н.А. Романович. Воронеж: Квалитас, 2014.
- Романович Н.А. Региональные СМИ: возможности и проблемы // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 77–78.
- Роттердамский Э. Воспитание христианского государя. М.: Мысль, 2010.
- Тарле Е.В. Печать во Франции при Наполеоне I. М.: Едиториал УРСС, 2010.
- Тузиков А.Р. Западная теория идеологии: от критики «ложного сознания» к анализу дискурса масс медиа. М.: Социально-гуманитарные знания, 2002.
- Яницкий О.Н. Модернизация гуманитарного знания // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 4. С. 69–88.
- Croteau D. Media/Society: Industries, Images, and Audiences / Ed. D. Croteau, W. Hoynes. 2nd ed. Pine Forge Press, 2000.
- Garton-Ash T. Free Speech: Ten Principles for a Connected World. London: ATLANTIC BOOKS, 2016.
- Godwin M. Cyber Rights: Defending Free Speech in the Digital Age. Cambridge, MA: MIT Press, 2003. P. 349–352.
- Guibault L., Hugenholtz B. The Future of the Public Domain: Identifying the Commons in Information Law. The Netherlands, Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2006.
- Hall S. The Rediscovery of «Ideology» Return of the Repressed in Media Studies // Culture, Society and Media. London: Routledge, 1982. P. 56–89.
- Hunter J.D. Culture Wars. New York: Basic Books. 1992.
- Mill J.S. Introductory. On Liberty. 4th ed. London: Longman, Roberts & Green, 1869.
- Thompson J.B. Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Stanford, CA: Stanford University Press, 1990.

Статья поступила: 23.05.18. Принята к публикации: 17.07.18.

FREEDOM OF SPEECH IN THE REGIONAL MEDIA ROUTINE

ROMANOVICH N.A.*, KOROBKOVA O.A.*

**Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh branch, Russia*

Nelly A ROMANOVICH, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Department of Political Science and Administration, General Director, Public Opinion Institute «Qualitas» (nelly@qualitas.ru); Oxana A. KOROBKOVA, Graduate student, Department of Political Science and Administration (oksana.korobkova@gmail.com). Both – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Voronezh branch, Voronezh, Russia.

Abstract. We can say that representatives of the media not only generate new ideas, but even construct a new worldview. They choose the direction for the general discussion, give certain meaning to events, set criteria for assessing them and conduct cultural wars. The importance of modern media cannot be overemphasized as the mass media can help to prevent not only a cultural war, but a real one as well. To investigate the situation with freedom of speech in Voronezh region from local media workers' point of view, the Institute of Public Opinion «Qualitas» repeated research in 2015 that was previously conducted in 2004 and 1994 and interviewed Voronezh representatives of various media in different positions – from chief editors to rank-and-file journalists. The results of the research showed that there is no unambiguous assessment of the free speech – what is enough for one can be insufficient for another. Moreover, there is a request among the population for restriction of freedom of speech as it sometimes borders on permissiveness. Although the local government according to journalists remains a dominant source of freedom of speech infringement cases, a set of motives of different kinds finally form the agenda. Some journalists have never faced the situation when their material for some reason was refused to be published. «Self-censorship» is also very important during the process of preparing the material for the publication. The decision to publish material takes into account aggregate of various interests, where commercial interests and human weaknesses often play the main role.

Keywords: freedom of speech, sociological survey, journalists, mass media, censorship, newspapers, television, the Internet.

REFERENCES

- Croteau D., Hoynes W. (2000) *Media/Society: Industries, Images, and Audiences*. 2nd ed. Pine Forge Press.
- Erasmus of Rotterdam. (2010) *Education of a Christian Prince*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Garton-Ash T. (2016) *Free Speech: Ten Principles for a Connected World*. London: ATLANTIC BOOKS.
- Godwin M. (2003) *Cyber Rights: Defending Free Speech in the Digital Age*. Cambridge, MA: MIT Press: 349–352.
- Guibault L., Hugenholtz B. (2006) *The Future of the Public Domain: Identifying the Commons in Information Law*. The Netherlands, Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International.
- Hall S. (1982) The Rediscovery of «Ideology» Return of the Repressed in Media Studies. In: *Culture, Society and Media*. London: Routledge: 56–89.
- Hunter J.D. (1992) *Culture Wars*. New York: Basic Books.
- Mill J.S. (1869) *Introductory. On Liberty*. 4th ed. London: Longman, Roberts & Green.
- Romanovich N.A. (ed.) (2014) *Monthly Bulletin of Sociological Research News in the City of Voronezh*. No. 2014-08. Voronezh: Qualitas. (In Russ.)
- Romanovich N.A. (2006) Regional Mass Media: Opportunities and Problems. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 77–84. (In Russ.)
- Tarle E.V. (2010) *The Press in France under Napoleon I*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
- Thompson J.B. (1990) *Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Tuzikov A.R. (2002) *Western Theory of Ideology: from Criticism of the «False Consciousness» to the Analysis of Mass Media Discourse*. Moscow: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2017) Modernization of Humanities Knowledge. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 23. No. 4: 69–88. (In Russ.)

Received: 23.05.18. Accepted: 17.07.18.